

— Тот цзюйцзы — племянник уездного пристава, — Жуань Юньшэн прикусил губу. — Судебный приказ Далисы пока приостановил это дело и тайно известил моего отца. Отец и его люди, вооружившись доказательствами от этого цзюйцзы, провели скрытое расследование. И правда, пристав подставили.

Е Мянъ сглотнул:

— Но ведь Главный цензор Жуань лишь участвовал в пересмотре этого дела...

— По законам династии Великая Вэнь, если цензор совершает преступление, наказание увеличивается на три степени, а за взяточничество карают с особой суровостью, — нахмурившись, перебил его Вэй Анъюань. — И хуже всего то, что начальник уезда Чжаоань состоит в родстве с кланом Жуань. Теперь поди докажи, что вы тут ни при чем.

Когда они вышли из теплого кабинета, двое шутников из класса хотели было подразнить их и спросить, какие такие пакости они там замышляют, но, завидев их хмурые, словно перед бурей, лица, так и не решились подать голос.

В учебном классе двора Цижуй во время перемены царило редкое затишье — никто не шумел и не дурачился. Пришедший на урок учитель, войдя во двор и не услышав привычного гомона, даже попятился назад. Он задрал голову, чтобы прочитать вывеску над воротами, и, лишь убедившись, что не ошибся дверью, снова вошел в класс.

Оправдание несправедливо осужденного пристава уезда Чжаоань уже через несколько дней наделало много шума в столице. Все-таки цзюйцзы лично явился к властям, чтобы заявить о несправедливости, и то, что Судебный приказ Далисы придержал дело на несколько дней, дав клану Жуань время во всем разобраться, уже было огромным одолжением.

Законы династии Великая Вэнь были суровы. После проверки все причастные к делу — от простых тюремщиков до чиновников — понесли наказание. Местный судья и начальник департамента Министерства наказаний были сняты с должностей и отданы под суд, а вдове пристава уезда Чжаоань выплатили положенное по закону пособие.

Отец Жуань Юньшэна был чиновником третьего ранга династии Великая Вэнь, и его влияние при дворе пустило глубокие корни. Сама по себе ошибка при пересмотре дела мелкого провинциального чиновника не пошатнула бы его положения. Однако цензоры — это блюстители закона, чей долг — обличать пороки и следить за благочинием остальных. Им полагается быть образцом добродетели. За долгие годы службы отец Жуань Юньшэна нажил бесчисленное множество врагов. После нескольких столкновений между придворными группировками Император лично повелел главе Судебного приказа Далисы расследовать, брал ли Главный левый цензор Жуань взятки и нарушал ли закон, и лишь затем вынести окончательное решение.

Бури, бушевавшие при дворе, мало затрагивали жизнь в академии.

Погода постепенно теплела, и лежавший в столице снег уже давно полностью растаял.

Хотя первый весенний месяц в столице уступал по красоте цветущему и зеленому Югу, весеннее тепло и ласковый ветер все равно радовали душу.

Сегодня было девятое число третьего месяца, и ученикам предстояло подняться на гору, чтобы совершить поклонение в храме Куйюань.

Во дворе Баофэн убрали последнюю жаровню. Ранним утром Е Мянъ стоял посреди комнаты, подняв руки, пока служанки помогали ему переодеться в весеннее платье.

Яркий, но еще не слепящий солнечный свет пробивался сквозь деревянные оконные решетки. Е Мянъ стоял у окна, послушно позволяя Баохэ и остальным служанкам собирать себя. У него было на редкость хорошее настроение: он напевал под нос простенький мотивчик и лениво наблюдал, как за окном служанки постарше вместе с чернорабочими девчонками возятся в саду, высаживая цветы и зелень.

Матушка Лю из швейной мастерской, принеся новые наряды на этот сезон, стояла в комнате с подобострастной улыбкой. Она во все глаза смотрела, как Баонянь и Баохэ, опустившись на колени, расправляли складки на одеждах Четвертого молодого господина Е, который был хорош собой, словно вырезанный из нефрита юноша, и прикрепляли к его поясу ароматные мешочки и нефритовые подвески.

— В этом сезоне фасоны нарядов привезли с Юга, верно? — похвалила Баохэ, разглаживая его пояс. — Уж больно красивые, да и цвета такие яркие.

Баонянь кивнула:

— Да и в талии сидят плотно, отлично подчеркивают фигуру.

— У вас, молодой госпожи, поистине наметанный глаз! — поспешно заулыбалась матушка Лю, делая шаг вперед, чтобы угодить служанке. — Для нашего Старшего молодого господина и Четвертого молодого господина Е наряды в этом сезоне не просто сшиты по южной моде — саму ткань везли прямиком с Юга. К тому же в усадьбу пригласили двух новых вышивальщиц из Сучжоу, у них совсем другая техника. Взгляните сами.

Баонянь пригляделась к серебряной вышивке в виде цветов хайтана на воротнике и поясе Е Мянъ и удовлетворенно кивнула:

— И правда, сработано куда тоньше, чем у прежних мастериц. Передай им, пусть сошьют для Четвертого молодого господина Е еще несколько пар носков, а по краям пустят узор «набегающие волны».

— Слушаюсь! — с готовностью отозвалась матушка Лю. — Через пару дней все принесу.

Баосюэ сама налила матушке Лю чашку горячего чая:

— Матушка, присаживайтесь. Эти девчонки копаются медленно, так что придется подождать.

— Спасибо вам, молодая госпожа, но я и постоять могу, — замахала руками матушка Лю. — Разве пристало мне, старой, рассиживаться, пока молодой господин стоит?

— Ничего страшного, — с улыбкой ответила Баосюэ. — Сколько нашему Четвертому молодому господину Е лет? Во дворе Баофэн пока нет таких строгих порядков.

С этими словами она мягко потянула матушку Лю за рукав, увлекая ее к расшитому пуфику.

Матушка Лю робко примостилась на краешке пуфика. Ее младшая дочь, пришедшая вместе с ней, густо покраснела и, опустив голову, поспешила следом, вцепившись мертвой хваткой в плечо материнского платья.

Всё познается в сравнении. Глядя на статных, разодетых в шелка и золото старших служанок двора Баофэн, а затем на свою робкую, неотесанную дочь, матушка Лю не на шутку разозлилась.

Точно в отца пошла, слова из нее клещами не вытянешь!

Зачем только она тратилась на ткань и шила ей новое платье? Разве не ради того, чтобы девчонка вошла в дом и завела разговор с этими старшими служанками? Если позже подмаслить кого надо деньгами, устроить дочь сюда хотя бы служанкой третьего класса — разве это не лучше, чем всю жизнь возиться с бездушными тряпками в швейной мастерской?

От этих мыслей лицо матушки Лю помрачнело. Она сердито зыркнула на дочь, приказывая ей начать разговор — ведь перед уходом они все отрепетировали!

Девочка сжалась, но продолжала стоять с опущенной головой, крепко закусив губу.

Ей было страшно.

Здесьние старшие сестрицы одевались лучше, чем заведующая швейной мастерской матушка Ян, на запястьях у них звенели целые связки браслетов, а говорили они красиво, на чистом столичном диалекте. Сама же она, стоило ей открыть рот, выдавала деревенский выговор уезда Пинхуа.

Ей казалось, что она недостойна даже подавать им чай, не говоря уже о том, чтобы навязываться с разговорами, как учила мать. Она еще помнила, как пыталась задобрить матушку Ян, а другие девочки из мастерской потом долго над ней насмехались.

А ведь это были личные служанки Четвертого молодого господина Е. Сам же Четвертый молодой господин Е... Она решилась лишь мельком взглянуть на подол его одеяния. Но ведь этот наряд сегодня принесла именно она!

Увидев упрямство дочери, матушка Лю едва не задохнулась от злости, сердце у нее бешено заколотилось.

Проницательная Баосюэ покачала головой, взяла тарелку с рисовыми пирогами с мясным фаршем и протянула девочке, с улыбкой сказав:

— Угощайся. Это то, что не доел утром Четвертый молодой господин Е, они еще теплые.

Девочка не смела взять тарелку и опустила голову еще ниже. Матушка Лю наконец не выдержала и сердито прикрикнула вполголоса:

— Бери, когда дают! Неблагодарная девка!

— Ах, не ругайте ее! — поспешила вмешаться Баосюэ.

Доносившийся со стороны шум отвлек Е Мян от его мыслей. Поняв, в чем дело, он кивнул Баосюэ:

— Скажи ей, пусть не плачет. Должно быть, ей просто не нравятся эти пироги. Дай ей горсть каштановой карамели, пусть подсластит рот.

Е Мян велел кучеру сначала заехать в усадьбу Жуань за Жуань Юньшэном, и только после этого они вместе отправились к горе Бэйань.

Устроившись в экипаже, они настежь распахнули окна. Стояла та самая чудесная пора, когда деревья только начинают покрываться молодой листвой. Накануне прошел мелкий весенний дождь, и теперь легкий ветерок доносил приятные запахи влажной земли и свежей травы.

Даже Жуань Юньшэн, который в последние дни ходил мрачнее тучи, повеселел. Приподняв брови, он поддразнил Е Мяня:

— Мы ведь едем поклониться Куйюаню, а не будущей теще. Чего ты так расфуфырился?

На Е Мянэ сегодня был надет небесно-голубой халат новейшего южного покроя, стянутый на тонкой талии серебристо-белым поясом, а обут он был в изящные сапожки из черной замши. Высокий и стройный, юный и свежий, он выглядел куда привлекательнее распускающихся за окном персиковых цветов.

— Красавец же, правда? — самодовольно покачал головой Е Мянэ. — С тех пор как мой старший брат уехал отсюда, я официально признан самым видным парнем в столице!

Жуань Юньшэн от души рассмеялся, согнувшись пополам от его слов.

Видя, как искренне тот хохочет, Е Мянэ тоже обрадовался. Он пересел на сиденье к Жуань Юньшэну и по-дружески приобнял его за плечи, вздохнув:

— Не зря говорят, что погода влияет на настроение. Сколько времени я уже не видел твоей улыбки? Тебе нужно улыбаться почаще.

Из-за дела отца Жуань Юньшэн за эти дни сильно похудел и осунулся. С его лица исчезла привычная легкая улыбка, он ходил хмурый и озабоченный. Прежде жизнерадостный, благородный и статный юноша из-за этих забот словно растерял весь свой блеск, на что Е Мянэ было больно смотреть.

— Ну-ка, улыбнись господину еще разок, да пошире! — Е Мянэ шутливо приподнял пальцем его подбородок.

Жуань Юньшэн закатил глаза, но все же повернулся к нему и улыбнулся:

— Прости, что заставил вас всех поволноваться в эти дни. Когда дело моего отца разрешится, я приглашаю вас. На следующих выходных выберемся куда-нибудь за город, развеемся. Что думаешь?

— Договорились. Мы же братья, к чему эти церемонии.

В деле его отца у Судебного приказа Далисы наконец наметился сдвиг. Сейчас удалось практически доказать, что Главный цензор Жуань не брал взятки, а значит, дело может обойтись лишь обвинением в халатности.

Понижения в должности, конечно, не избежать, но это все же лучше, чем полное увольнение со службы. Вопрос лишь в том, насколько сильно его понизят. Впрочем, ни клан Жуань, ни родственные им семьи не спешили расслабляться и продолжали использовать все свои связи при дворе.